

Выбор столицы Турции в качестве места проведения крупного международного форума исследователей мировых цивилизаций не случаен. Малая Азия, или иначе Анатолия, как называют ее с эллинистической эпохи, является, без преувеличения, прародиной цивилизаций и Запада и Востока. Здесь возникли первые центры производительной экономики, скотоводства и земледелия; здесь образовались древнейшие на Земле центры металлургических технологий — Чатал-Хююк, Чайюню-Тепеси и др. Здесь же зародились первые города. В сегодняшней Турции, наследнице древних культур, работают ученые со всего мира; здесь сделаны наиболее значительные за последние десятилетия археологические открытия. Проведение форума такого масштаба имело целью не только обмен информацией, но и визуальное ознакомление с результатами последних открытий.

На конгрессе обсуждались самые различные проблемы развития Средиземноморских цивилизаций, межцивилизационной коммуникации, смены культур, взаимоотношений между цивилизованными и варварскими обществами. Одной из особо дискутируемых проблем оказалась проблема так называемых пограничных зон, отличавшихся наиболее интенсивными контактами между различными типами обществ и потому выделявшихся наибольшим этническим смешением. Весьма актуальной оказалась и проблематика «евразийского транзита», то есть распространения новых достижений в технике и культуре, полученных в эпицентре, на периферию Европы и Азии.

Историку из Сибири оказались особенно запоминающимися сюжеты о трансконтинентальных миграциях первого тысячелетия нашей эры, изменивших облик средиземноморских цивилизаций. В некоторых докладах упоминались савиры, к которым нередко возводят «сыбыров». Упоминались также и гунны, с которыми в Европу переместилась часть угорских народов Сибири, принимавших, возможно, участие в штурме Рима. Обсуждалась проблема готов, прародину которых отдельные исследователи отыскивают даже на Таймыре. Необычными оказались продемонстрированные в конгресс-холле греческие вазы с изображением монголоидных лиц. Равно как сенсацией стали произведения восточной торевтики с образами римских легионеров.

Конгресс обнаружил принципиально иное представление о кочевниках и о кочевой культуре вообще. Именно кочевые народы, с их огромной амплитудой перемещений в тысячи километров, оказались решающим фактором трансконтинентальной торговли; они содействовали обмену технологиями и общекультурной информацией и сами являлись носителями всех новейших для своего времени технических и культурных достижений. Даже хорошо известные факты религиозной терпимости кочевников к другим религиям, феномены азиатского синкретизма, приобрели иное осмысление: кочевная культура стала характеризоваться как принципиально открытая, а потому и способная максимально вбирать в себя все наиболее значимое из чужих культур.

А. Г. Еманов, д. и. н., профессор

XX МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В ПАРИЖЕ*

В очередном всемирном форуме византинистов приняли участие около 800 ученых из почти 100 стран мира. Он проходил в амфитеатрах Коллеж де ля Франс и Коллеж де ля Сорбонн Парижского университета. Конгресс открыл президент международной ассоциации византинистов 1996–2001 гг., председатель его оргкомите-

*Участие автора обзора в работе конгресса стало возможным благодаря гранту РГНФ 01-01-15050з.

та Жильбер Дагрон. Было проведено 8 пленарных заседаний по следующим темам: «Дух и форма в византийской литературе», «Эволюция византийской деревни», «Византия между католическим Западом и мусульманским миром по данным истории искусства», «Афон — священная гора: традиции и реновации в искусстве», «Итоги исследований по византийскому праву», «Византия и Метавизантия: периферия во времени и пространстве», «Европейцы в провинциальных городах Византийской империи», в заключение — *Instrumenta studiosorum*. Помимо этого, было организовано 25 круглых столов, которые были сгруппированы по пяти направлениям, углубляющим проблематику пленарных слушаний: «Литература и культура», «Письмо и общество в Византии», «Византийская религиозность», «Экономика и общество в Византии», «Центр и периферия Византийской империи». Почти 30 секционных заседаний имели отдельные самостоятельные названия, детализируя и углубляя пленарную проблематику; они условно объединялись по направлениям: «Письменные источники по истории Византии», «Византийская цивилизация», «Византийская археология и история искусства».

Основной проблемой была проблема византийской деревни. Феномен деревни рассматривался в самых различных контекстах — принципы расселения, типы жилища, экономика, налоги и денежный обмен, управление аграрной периферией, земельное право, социальная структура, ментальность сельского населения, религиозность селян, аграрная магия и ритуальная практика, иконопись и музыкальная культура, профанная литература и фольклор. Большое внимание уделялось региональным отличиям устройства деревенского мира в Византии. Доклады и сообщения отразили качественный прогресс в изучении археологии, исторической топографии, истории материальной культуры византийской деревни. Она принципиально отличалась от сельских поселений Европы. Уже внешний облик византийского села отличался от того, что обычно понимается под деревней. Это было поселение с правильной, регулярной планировкой, учитывающей особенности ландшафта. Там были каменные дома, как правило, в два этажа, мощеные улицы, сады, цветники. В византийской деревне обязательно строилась каменная церковь, порой кафедральная, являвшаяся резиденцией хорепископа, или деревенского епископа. Деревня нередко имела укрепления для защиты от кочевников-турок или арабов.

На пленарном заседании по случаю открытия конгресса, руководимом А. Гарциа и Р. Маизано, выступили исследователи, внесшие в последнее пятилетие наиболее значительный вклад в изучение византийской литературы. М. Бибииков рассмотрел соотношение между прозой и поэзией, между классицизмом и «народностью» в литературном творчестве. Ф. Конка избрал объектом своего дискурса профанные элементы в греческой христианской поэзии. А. М. Иерачи Био, продемонстрировав прекрасное знание методологии М. М. Бахтина, проинтерпретировала феномен диалогичности в византийской литературе. Дж. Матино осуществил тонкое лингво-литературоведческое исследование юридических памятников Византии. С тех же позиций, языка и литературоведения, М. Д. Спадаро были рассмотрены военные трактаты. Л. Перно вновь акцентировал внимание на взаимоотношении риторики и политики, в частности, на примере эссе Феодора Метохита о Демосфене и Аристиде.

На втором пленарном заседании, прошедшем под председательством А. Лайю, были не только подведены итоги в изучении византийской деревни, но и представлены новейшие обобщения по исследованию западноевропейской деревни, важные для компаративных наблюдений. Именно такой смысл, в частности, имели доклады К. Уикхема и Б. Курзенте о деревне в средневековой Европе, соответственно в IV–IX и IX–XIV вв. С. Эллис осветил изучение деревни Северной Африки в византийскую эпоху, а П.-Л. Гатье — Ближнего Востока. Сама А. Лайю, автор фундаментальных монографий по этим проблемам, проследила эволюцию византийской деревни на протяжении тысячи лет.

Третье и четвертое пленарные заседания были посвящены византийскому искусству. Наибольший интерес здесь вызвали доклады А. Кутлера об обычае дарений одежд в византийской и восточной дипломатической практике, Р. Нельсона о донациях серебра, правилах «симметрии» и «асимметрии» в дарениях, и В. Франсуа о столовой посуде византийцев, сопровождавшиеся великолепными иллюстративными рядами. М. Георгопулу представила достаточно экзотические наблюдения о готической архитектуре в Латинской Греции и на Кипре.

Пятым пленарным заседанием руководил Д. Зимон, крупнейший авторитет в исследовании византийского права, издатель серии «Византийских юридических источников». Здесь Ж. Бекамп представил новейшие достижения в изучении «юридической папирологии», в прочтении и реконструкции фрагментарных юридических текстов на папирусе. Л. Бургман дал обзор современного изучения законодательных актов византийских императоров. Р. Макридес провел контент-анализ наиболее распространенных литературных сочинений Византии и выявил в них весьма значительный пласт правовых идей. Ф. Гория реконструировал статус византийского юриста VI–XII вв. Э. Пападжанни охарактеризовала особенности патриархального правоведения.

Шестое пленарное заседание вели патриархи современного византиноведения К. Манго и И. Шевченко. Здесь выделялись доклады Г. Кавалло и М. Галлина о различиях византийской культуры в центре и на периферии, Л. Максимовича и Г. Суботича о своеобразии культуры Сербии, находящейся под влиянием Запада и Византии. Не остался незамеченным также доклад В. Папулиа о «византийской идентичности»; она представила социальную и культурную мобильность как фактор трансформации Римской империи в Византийскую.

Седьмое пленарное заседание прошло под председательством М. Баляра. Особое внимание здесь вызвали доклады Л. Баллетто о генуэзцах в Фокее и на острове Хиос в XIII–XV вв., К. Сигаар о европейцах в провинциальных городах Византии в XII–XIII вв., М. Добр о венецианцах в Фессалониках XV в. Продолжая заявленную проблематику, Д. Якоби привел новые данные об активности латинян в городах Балканского региона, на территории нынешней Румынии, а С. Карпов — в центрах венецианского влияния.

Финальное пленарное заседание — *Instrumenta studiosorum* — вели И. Кодер и П. Шрайнер. Здесь Б. Мондрэн поведала о последних достижениях в области греческой палеографии и кодикологии. Л. Бургман ознакомил с состоянием современной византийской дипломатики. Э. Трапп представил новые лексиконы по среднегреческому языку. Д. Файссел предпринял экскурс в византийскую эпиграфику, познакомив с новыми изданиями греческих надписей. И. Калаврезу охарактеризовала последние издания по византийскому искусству. И. Кодер подвел итоги изучения исторической географии Византии, представив проекты создания электронных и Интернет-версий «*Tabula Bizantini*». Х. Ханник поведал об изучении византийской музыки, расшифровке музыкальных записей ранней Византии. С. Морриссон рассказал о новых проектах изданий по нумизматике, а Ж.-К. Шейне — по сигиллографии.

Из тем круглых столов особое внимание привлекла уже первая тема: «Деревня: региональные исследования (Север и Запад Византийской империи)». А. Айбабин обобщил результаты археологических исследований аграрных поселений VI–IX вв. на северной границе Византийской империи, прежде всего в Горном Крыму. А. Аврамеа охарактеризовала особенности сельских поселений V–XV вв. в Фессалии, Центральной Греции и на полуострове Пелопонесс. Д. Киридзес и К. Смирлис выявили специфику деревень Эгейского побережья Малой Азии. Ж. Лефор рассмотрел состояние средневековой деревни в Восточной Македонии. А. Дан дополнил эту характеристику обращением к деревне Северной и Западной Македонии. Л. Максимович и М. Попович подвели итоги изучению деревни средневековой Сербии. Ж.-М. Мартэн

и Г. Нойе обратили свой взор к византийской деревне Южной Италии. Р. Рачев про-реферировал обширный материал по изучению византийской деревни на территории Болгарии.

Одно из центральных мест заняла также тема другого круглого стола: «Обмен и конфликты между христианским Западом и мусульманским Востоком». С. Косентино представил новые данные по истории византийского флота накануне мусульманской экспансии, отойдя от общепринятого представления о ликвидации флота при Палеологах. В. Каэджи отразил связь между мусульманскими рейдами VII в. в Анатолию и борьбой за Северную Африку. И. Бус проанализировал изменение в XIII в. роли Пафлагонии в защите Византии, прежде всего со стороны Сангарской границы. Д. Коробейников также посвятил свое сообщение проблеме византийско-тюркского фронта в Малой Азии конца XIII в. Р. Шукуров осветил сложные аспекты этно-конфессионального взаимоотношения в Анатолии XIII в. между тюрками, принявшими христианство, и криптомусульманами, т. е. мусульманами, занявшими православные церкви. М. Дуру-Элиопулу затронула один из мало изученных вопросов латинской колонизации в Романии, касающийся существования франкского Морейского княжества XII–XV вв. А. Стаси-Скурел акцентировала внимание на амбивалентности взаимоотношений между христианским Западом и мусульманским миром, в которых конфликты никогда не заслоняли взаимной заинтересованности в экономическом обмене.

Исключительно ново звучала тема и такого круглого стола: «Культурные аспекты деревенской жизни». Здесь П. Калтинг представила впечатляющий материал по деревенской керамике, дополняющий пленарный доклад В. Франсуа о столовой посуде византийцев. Н. Драндакис продемонстрировал шедевры деревенской скульптуры, дав их блестящее истолкование. Ш. Герстель приковал всеобщее внимание интерпретацией деревенского ритуала и его связи с росписями сельских церквей. М. Панайотиди, изучая деревенское искусство, поставила вопрос о существовании в византийской деревне ремесленных мастерских. Б. Питаракис продолжила освещение этой проблемы на основе изучения железоделательных ремесел в византийской деревне, выяснив характер использования, производства и сбыта их продукции.

Из секционных заседаний можно выделить серию заседаний под общим названием «Институты, экономика, общество», на одном из которых состоялось и выступление автора данного обзора. Привлекли интерес сообщение В. Пюэш об участии аристократии в арсенитской схизме 1204–1310 гг., сообщение Т. Маниати-Коккини о женском землевладении в Византии XIII–XIV вв. В. Неранци-Вармаци сравнила социально-правовое положение жителей деревень и городов в поздней Византии, обратив внимание на процессы переселения из деревни в город и обратно. Ф. Евангилату-Нотара коснулась вопроса психологии знати, изучая маргиналии на византийских рукописях. А. Вионис рассмотрел непривычный аспект — качество жизни в поздневизантийской и поствизантийской Эгеиде. А. Мицани поставила проблему меценатства в Византии на основе исследования греческой эпиграфики. А. Стефаниду выявила новые стороны проблемы взаимодействия центра и периферии на мало известном примере о. Родос, центра господства ордена иоаннитов. В. Гюзелев обобщил свои многолетние архивные штудии в Венеции и Генуе по истории средневековой Болгарии. Н. Нечигоплу подвела итоги изучения социальных и экономических условий в Константинополе накануне турецкого завоевания. С. Близнюк проанализировала статус чужеземцев при дворе Кипрских королей XIV–XV вв. Дж. Харрис коснулся взаимоотношений Рима и Морейского деспотата после 1502 г.*

Помимо этого, важной составной частью работы конгресса стали презентации византиноведческой литературы последних пяти лет, компакт-дисков с византино-

* XX Congrès international des études byzantines. Pre-actes: In 3 V. Paris, 2001.

ведческой библиографией, просопографическими лексиконами и других электронных продуктов ведущих византиноведческих центров мира. В частности, была представлена полная библиография по византиноведению за последнее столетие на CD-ROM, колоссальный труд, выполненный под руководством П. Шрайнера, редактора «Byzantinische Zeitschrift». Сильное впечатление произвела презентация «Просопографических лексиконов Средней Византии», выполненная под руководством Р. Й. Лилие и М. Джеффрей. К. Фараджана ди Сарцана познакомил с новейшими методами дигитальной реконструкции палимпсестов и водяных знаков на бумаге XIII–XV вв. Кроме этого, состоялись выставки книжности и искусства Византии, а также концерт аутентичного византийского и бенедиктинского пения.

Конгресс завершился избранием нового президента Международной ассоциации византинистов на последующее пятилетие. Им стал П. Шрайнер, директор Института древней истории Кельнского университета. Местом проведения XXI конгресса назван Лондон. Председателем организационного комитета избран С. Морриссон.

А. Г. Еманов, д. и. н., профессор

ПОЭТИКА, ЛИНГВИСТИКА, ЛИТЕРАТУРНАЯ СЕМАНТИКА: ПРОГРЕСС ИЛИ «ЗАКАТ»?

(ИНФОРМАЦИЯ О ДВУХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ, СОСТОЯВШИХСЯ В БИРМИНГЕМЕ (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ) В 2002 Г.)

В первой половине апреля 2002 г. в Бирмингеме (Великобритания) прошли две международные конференции PALA (XXII международная конференция Ассоциации поэтики и лингвистики) и IALS (3-я международная конференция Международной ассоциации литературной семантики).

Обе конференции были проведены при Бирмингемском университете, одном из крупнейших современных университетов Великобритании. В нем обучаются около двадцати шести тысяч студентов, получающих образование в сфере всех важнейших направлений современной науки и техники.

В работе конференции приняли участие докладчики, крупные ученые практически из всех государств мира: самой Великобритании, США, Франции, Германии, Испании, Италии, Финляндии, Швеции, Австрии, Бельгии, Венгрии, Нидерландов, Ирана, Индии, Кувейта, Туниса, Зимбабве, Японии, а также России.

Работа PALA проходила под девизом: «Искусство писателя, технологии культуры». Производило впечатление само открытие конференции: море цветов на сцене, чудесная классическая музыка, прозвучавшая в исполнении первоклассного скрипача. На пленарных заседаниях выступили: Джордж Дилон (Вашингтон), Гюнтер Кресс (Лондон), Кармен Коултхард (Бирмингем), Поль Симпсон (Белфаст).

Глобальная тема, заявленная на конференции, была озвучена следующим образом. По мере нашего вхождения в XXI в. становится ясным, что старые проблемы — креативность и культурная идентификация, отражаемые в языке и сигнификации, продолжают стоять перед литературой наряду с новыми. Не исчерпали своего